

ГРАНИЦА НЕБА, ВОДЫ И ЗЕМЛИ

(или: МЫСЛЬ В КАМНЕ, НАД ВОДОЙ)

Самые важные разговоры с самими собой и собственной душой совпадают у нас с непосредственным присутствием книги, фильма или концерта. Незнакомые нам лично наставники (которых зачастую уже много лет нет в живых) делают для нас возможным чудо обнаружения глубочайших ассоциаций, которые спасительным образом появляются на поверхности нашего сознания и навсегда в корне меняют нас, делают серьезнее и решительней, пробуждают, воодушевляют и преображают.

Это, пожалуй, важнейшая причина, по которой я решил заниматься искусством: в знак благодарности всем, кто помог мне и кто сформировал меня. С намерением, чтобы животворящая цепь никогда не прерывалась. И чтобы я со своей стороны сделал для этого все, что могу.

Потому я и согласился поделиться своим глубоко личным читательским опытом с моими верными зрителями и искренними поклонниками из России, моей второй Родины. Я, безусловно, не идеальный читатель, но — благодарный.

И с давних пор, дорогие мои, я усвоил: нам принадлежит только то, чем мы поделились с другими. Вот и случай проверить это на деле...

В качестве первой (надеюсь) длинном ряду я выбрал самую известную книгу единственного сербского писателя, награжденного Нобелевской премией по литературе (в 1961 году). Задолго до всех войн и злословия, которое обрушилось на нас много лет спустя, мы стали соотечественниками нобелевского лауреата — причем из числа тех, кто сам выбрал свою принадлежность к сербскому народу. Не по рождению, не по воспитанию, но «по языку» — стало быть, по духовному и культурному родству — Иво Андрич сам решил окончательно и навсегда принадлежать к сербской культуре: нашему народу с его рыцарским отношением к жизни и миру, его страшным коллективным страданием, какое редко встретишь в современной истории.

Умело сочетая легенды и фактографию, народные предания и неопровержимые исторические документы (из венецианских, венских и стамбульских архивов), Андрич представляет нам уникальный взгляд на мир через многовековую судьбу каменного моста, выстроенного на речной границе между Востоком и Западом.

Общей длиной 250 шагов и шириной 10 шагов, этот «гладкий, правильный и белый», «нерушимый и неуязвимый» мост возник в XVI веке по решению славного командира флота Османской империи, военачальника, одержавшего победы на трех континентах, великого визиря Мехмед-паши Соколовича — сербского мальчика, взятого из дома по страшной «кровной дани» и воспитанного в турецкой столице, где благодаря своим талантам, уму и храбрости он добился статуса царского зятя и «первого после султана»).

Из непроглядной тьмы рабства и мрака веков через роман-хронику в двадцати четырех главах прорастает, как драгоценный луч надежды, мощная идея непобедимого глубинного смысла жизни, который находится выше греха и смерти.

Смерть — это зачастую освобождение, а страдание — путь к свободе и спасению, через постоянное сопротивление страху и героическая готовность к самопожертвованию за ближних. Мы глядим в глаза «мировой скорби» (*weltschmerz*) в восточных одеждах. Впрочем, как подмечает другой великий сербский писатель, «в Боснии слово “*болан*” (буквально: больной, несчастный. — *Прим. перев.*) — присказка».

С самого начала, 1516 года, до Первой мировой войны, когда мост твердо стоит несмотря на канонады орудий, мы проживаем вековечную борьбу старого и нового, средневековых и новомодных европейских обычаев, патриархального и современного мира — и проверяем на деле вдохновенную мысль: не иначе как от ангелов, распростерших крылья, люди научились возводить мосты над пропастями и безднами.

Ничуть не случайно этот (не только символически, но и буквально) «роман-река» был написан в течение страшных лет Второй мировой войны и опубликован в 1945 году. За автора, за всех нас один из героев произносит перед смертью следующие величественные слова:

«Все может быть. Одного только не может быть: не может быть, чтобы на свете перевелись и вымерли великие и мудрые, наделенные душевной щедростью мужи, возводящие во имя божье вечные постройки для украшения земли и облегчения жизни человеческой.

Если бы не стало их, исчезла бы, угасла и божья милость в мире. А этого не может быть!»

*Милош Бикович,
сербский и российский актер театра и кино*

Почти на всем своем протяжении река Дрина течет узкими ущельями в горах или теснинами мрачных каньонов между отвесными скалами. Лишь кое-где расступаются горы, давая простор веселым долинам, и тогда то на одном, то на обоих берегах реки возникают ровные или холмистые пределы, пригодные для обработки и жилья. Одна такая вольная долина открывается и здесь, под Вышеградом, в том месте, где Дрина, делая крутой поворот, стремительно выносит свои воды из глубокой расселины, образованной откосами Бутковых скал и Узавницкой гряды. Излучина так крута, а неприступные стены утесов так близко подходят друг к другу, что, кажется, река вырывается из каменной груди угрюмого сплошного массива. Но тут внезапно горы раздвигаются неправильным амфитеатром, чей поперечник, измеренный мысленно проведенной по воздуху прямой, не превышает пятнадцати километров.

Там, где Дрина всей тяжестью своей зеленой и вспененной водной лавины извергается как бы из сомкнутой стены отвесных черных гор, стоит большой каменный мост строгих пропорций с одиннадцатью широкими пролетами. От этого моста, точно от основания, расходится веером холмистая долина с Вышеградом, его предместьями и деревушками в ложбинах между холмов, лоскутной пестротой пашен, выгонов и сливняков, прихотливой сетью межей и оград, узорной россыпью перелесков и отдельными купами лиственных деревьев. И если на долину посмотреть из самой ее глубины, то так и чудится, будто из-под ши-

роких арок белого моста вытекает и разливается не только зеленая Дрина, но и весь этот благодатный цветущий край со всем, что на нем есть, и сводом южного неба над ним.

На правом берегу реки, непосредственно примыкая к мосту, сосредоточилось основное ядро города с площадью и торговыми рядами, расположенное частью на равнине, частью на отрогах гор. По другую сторону моста, вдоль левого берега реки, протянулось Малухино поле, разбросанное предместье на дороге, ведущей в Сараево. Так, соединяя два конца сараевской дороги, мост связывает город с его предместьем.

Впрочем, слово «связывает» в данном случае такая же условность, как и утверждение о том, что солнце всходит по утрам для того, чтобы людям было светло и они могли заниматься своими делами, и заходит к вечеру, чтоб дать им возможность выспаться и отдохнуть после дневных трудов. Ибо этот каменный мост, бесценное строение непревзойденной красоты, какого не имели и несравненно более захиточные и бойкие города («таких мостов в империи всего раз-два и обчелся», — говорили в старину), был единственной постоянной и надежной переправой на всем среднем и верхнем течении Дрины и необходимым звеном той дороги, которая связывала Боснию с Сербией, а через Сербию — с прочими провинциями Турецкой империи, вплоть до самого Стамбула. Город же со всеми своими предместьями был всего лишь поселением, естественно и неизбежно возникающим на узловых перекрестках караванных путей и по сторонам важных и больших мостов.

Лепясь к оконечностям моста, разрастался со временем и Вышеград. Порожденный мостом, он поднимался рядом с ним, питаясь соками его животворящих корней.

Чтобы полнее представить себе картину города и природу его отношений с мостом, необходимо иметь в виду, что в городе был еще один мост и еще одна река. Это — Рзав с перекинутым через него деревянным мостом. Рзав впадает в Дрину на самой окраине города, так что его центр, как и вся основная часть, не выходит за пределы песчаного клина, ограниченного двумя реками — большой и малой, сливающимися здесь воедино, а его распыленные предместья

простираются по ту сторону мостов, на левом берегу Дрины и правом Рзава. Город на воде. Однако несмотря на существование второй реки и второго моста, выражение «на мосту» ни в коей мере не относится к рзавскому мосту, простому деревянному сооружению без всякой истории и красоты, не имеющему никакого иного предназначения, кроме как служить переправой местным жителям и скоту, — а исключительно и единственно к каменному мосту на Дрине.

Двести пятьдесят шагов составляют примерную длину моста и десять — ширину, почти удвоенную в самой середине за счет двух одинаковых балконов, симметрично расположенных по сторонам проезжей части. Это место получило название «ворот». Два выступа, покоящиеся основанием своим на среднем опорном столбе, расширяющемся кверху, пластично и смело вынесенные за общую линию моста, висят над шумящей в глубине зеленой водой. Выступы эти имеют пять шагов в длину и столько же в ширину и, оставаясь открытыми сверху и со стороны проезжей части, обнесены такой же каменной оградой, как и весь мост на всем своем протяжении. Правый балкон — если идти от города — называется диваном. К нему ведут две ступени, обрамлен он сиденьями, спинками которым служит ограда, и весь, вместе с приступками, скамьями и оградой, как бы отлит из одинакового светлого камня. Левый балкон на противоположной стороне моста в точности такой же, только без сидений. В середине ограда поднимается выше человеческого роста; в нее, на самом верху, вмурована белая мраморная плита с высеченной на ней витиеватой турецкой вязью — тарихом, — где в тринадцати стихах сообщается миру имя того, кто поставил мост, и дата завершения постройки. Из ограды внизу под плитой бьет тонкая струя воды, испускаемая пастью каменного змея. На этом балконе расположился содержатель кофейни со своими джезвами, филджанами, незатухающим мангалом и мальчиком, подающим кофе гостям на диване через дорогу. Таковы ворота.

На мосту и на его балконах, возле него и во взаимосвязи с ним, течет и развивается, как мы увидим, жизнь обитателей городка. Хроника событий личного, семейного и общественного характера изобилует ссылками на мост. И в са-

мом деле, дринский мост — место первой прогулки и первых игр всей здешней детворы. Дети христиан с левого берега Дрины в первые же дни своей жизни проделывали путь через мост, ибо в ближайшее воскресенье их несли крестить в церковь. Но и все другие дети тоже, и те, что родились на правом берегу, и дети мусульман, вообще не знающих обряда крещения, по примеру дедов и отцов, большую часть детства проводили возле моста. У моста они удили рыбу или ловили голубей в его отдушинах. Совершенная гармония этого величественного сооружения из белого ноздреватого, непогрешимо точно ограненного камня с младенческих лет привычна их взгляду. Дети наперечет знали все его искусно вытесанные выпуклости и изгибы, так же как и все поверья и легенды, связанные с историей его возникновения и создания и представляющие собой диковинный и нерасторжимый сплав воображаемого и действительного, истинного и невероятного. Знали все это с рождения, бессознательно, как бы с ними придя в мир. Знали, как знают молитвы, неведь когда и от кого впервые услышанные.

Знали дети, что мост воздвиг великий визирь Мехмед-паша ^[1], чье родное село Соколовичи находится неподалеку от моста за одной из окрестных гор. Да и кто же, кроме визиря, мог обеспечить всем необходимым сооружение этого бессмертного творения из камня. (Детскому воображению визирь рисуется как нечто сияющее, могучее, страшное и неясное.) Поставил же его Раде Строитель, который должен был бы жить не одну сотню лет, чтобы возвести все то прекрасное и вечное, что есть на сербских землях, легендарный и воистину безымянный зодчий, какого только и может признавать толпа, не любящая обременять свою память многими именами и чувством благодарности, пусть даже и посмертным. Знали дети также и то, что русалка, хозяйка реки, воспротивилась строительству моста, как спокон веков противятся неведомые силы всякому строительству, — и ночью рушила воздвигнутое днем. Так продолжалось до тех пор, пока Раде Строителю не был голос из воды и не дал ему совет сыскать двух новорожденных близнецов, брата и сестру, Стою и Остою, и замуровать их в средние опорные быки.

Тотчас же по всей Боснии начались поиски близнецов. Тому, кто их найдет и доставит зодчему, назначена была награда.

В конце концов в одном глухом селении стражники отыскали двух близнецов, грудных младенцев, и силой визиревой власти отняли их у матери; но мать ни за что не хотела расстаться со своими детьми и, стеная и плача, не обращая внимания на ругань и побои, приплелась за ними следом в Вышеград. И здесь каким-то образом пробилась к Раде Строителю.

Младенцы были замурованы, ибо иначе быть не могло, но Раде Строитель, по преданию, сжалился над матерью и оставил отверстия в опорных столбах, через которые несчастная могла кормить грудью своих принесенных в жертву детей. Слепые отдушины изящного рисунка, узкие, подобно бойницам, где ныне гнездятся дикие голуби, и есть те самые отверстия. Как память о давно минувшем, вот уже несколько сотен лет из этих отверстий струится материнское молоко. В одно и то же время года из плотно пригнаных швов стекают по камням белые тонкие струйки, оставляющие после себя несмываемый след. (Представление о грудном молоке вызывает в сознании детей образ чего-то сладостно близкого и приторного и своей пугающей таинственностью, наравне с визирями и зодчими, повергает их в смятение и ужас.) Соскабливая эти молочные потеки с опорных столбов, люди продают полученный порошок как целебное средство не имеющим молока родильницам.

Центральный опорный столб под воротами снабжен отверстием несколько больших размеров, — длинное и узкое, оно напоминает гигантскую бойницу или дверной проем. Молва гласит, что за ней скрывается огромный и мрачный чертог — обиталище Черного Арапа. Знают это все дети. Черный Арап играет главную роль в детских выдумках и небывлицах. Тот, кому он явится, непременно должен умереть. Но никто из детей ни разу до сих пор его не видел, и потому ни один и не умер. Зато однажды ночью Арапа увидел Хамид, одышливый, вечно пьяный или с похмелья носильщик с налитыми кровью глазами, и в ту же ночь скончался у стен его чертога. Правда, в ту ночь Хамид напился до бесчувствия и заночевал на мосту, прямо под открытым небом, а было

тогда пятнадцать градусов мороза. Часто, замерев на берегу, дети вглядываются в черную тьму проема, как в манящую и жуткую бездну. Договорятся глядеть не мигая и сразу же кричать, если кто-нибудь что-то увидит. Томимые любопытством и страхом, они не сводят расширенных глаз с темного зева отверстия, покуда не померещится какому-нибудь худосочному мальчугану, что дрогнула завеса мрачного входа, или пока какой-нибудь смутьян (есть такие всюду) не крикнет «Арап!» и не побежит вроде бы спастись, испортив игру и вызвав разочарование и негодование приверженцев мечты, ненавидящих иронию и твердо верящих, что их терпение и в самом деле может быть вознаграждено. А ночью многие из них мечтают в постели, силясь одолеть неотступного, как рок, Арапа, пока мать не разбудит своего сына и не вызволит из пут мучительного сна. И едва успеет мать напоить его холодной водой («чтобы страх отогнать») и заставить повторить за собой имя божье, как уж мальчишка, утомленный дневными играми, снова спит крепким сном, над которым кошмары не имеют еще длительной власти.

Выше моста на серых откосах крутых известняковых берегов по ту и по другую сторону реки виднеются круглые выемки, идущие попарно с правильными интервалами, словно врезанный в камень отпечаток копыт какого-то гигантского коня сверхъестественной мощи; спускаясь по отвесным скалам от Старого града, эти следы подходят к воде и, возникая вновь на противоположном берегу реки, теряются под слоем дерна. Дети — а они под этими скалистыми обрывами летом целыми днями ловят мелкую рыбешку — знают, что это следы былых времен и древних ратников. Тогда на свете жили могучие богатыри и камень был еще податливый и мягкий, как земля, а кони под стать богатырям отличались исполинским ростом. Только, по мнению сербских детей, эти следы оставили копыта Шараца, когда он уносил из темницы в Старом граде Королевича Марко ^[2], и, проскакав по обрыву, перемахнул через Дрину, на которой не было тогда еще моста. Турецкие дети, напротив того, совершенно уверены в том, что Королевича Марко не было тут и быть не могло (ибо откуда взяться у безродного гяура

такому коню и такой отваге), но что по этой самой круче промчался на своей крылатой арабской кобыле сам Джерзезел Алия^[3], презиравший, как известно, всякие паромы и паромщиков и перелетавший через реки, словно через маленькие ручейки. Но об этом дети никогда не спорят, настолько и те и другие уверены в своей правоте. И пока что не было такого случая, чтобы кому-нибудь удалось переубедить другого или переубедиться самому.

В глубоких оттисках этих круглых следов, словно в больших каменных площадках, скапливается дождевая вода. Дети эти ямы, наполненные теплой дождевой водой, называют «колодцами» и без различия вероисповеданий держат в них мелкую рыбешку — пескарей и плотву, пойманных на удочку.

На левом берегу реки, несколько поодаль от нее, над самой дорогой, серой глыбой возвышается холм, он земляной, но земля на нем твердая, окаменевшая. На нем ничего не цветет и ничего не растет, кроме редкой сухой, острой, как колючая проволока, травы. Это холм-рубеж, граница ребяческих игр у моста. Издавна он получил название могилы Радисава. Рассказывают, что был тот Радисав настоящим богатырем и предводителем сербов. И когда визирь Мехмед-паша вздумал строить мост на Дрине и послал людей, все покорились и пошли обрабатывать кулук. Лишь один Радисав взбунтовался, и поднял народ, и наказал передать визирю, чтобы тот бросил это дело, потому что, дескать, никогда ему не поставит мост на Дрине. Немало помучился визирь, пока не совладал с Радисавом, ибо богатырь наделен был нечеловеческой силой, ни пуля, ни сабля его не брали и не было веревки или цепи, способной его скрутить. Кто знает, что было бы дальше и воздвиг ли бы когда-нибудь визирь мост на Дрине, если бы среди приближенных визиря не нашелся лукавый и мудрый царедворец, сумевший подкупить и выманить тайну Радисава у его слуги. И тогда Радисава захватили спящим и удавили шелковой бечевой, так как только против шелка его амулет был бессилен. Наши женщины верят, что раз в году ночью с неба падает на холм сноп яркого света. Бывает это осенью где-то между успением и рождеством Богородицы. Впрочем, детям, с надеждой

и сомнением принаклавшим к окнам с видом на могильный курган Радисава, так и не посчастливилось ни разу увидеть небесное зарево, ибо сон смаривал их задолго до полуночи. Зато вот запоздалым путникам, хоть им до этого и дела было мало, случалось видеть холм над мостом в белом сиянии, когда они возвращались ночью в город.

Вышеградские турки, со своей стороны, хранят старинное предание о том, что на этом самом месте в давние времена, отстаивая переправу через Дрину от войска неверных, пал геройской смертью дервиш шейх Турхания^[4], великий юнак. А что здесь нет ни плиты, ни мавзолея, так то была воля самого дервиша, пожелавшего сохранить свой приют в безвестности и тайне. Но стоит только войску неверных снова сюда подойти, дервиш встанет из могилы и преградит им путь, как встарь, и ни шагу не ступят неверные дальше вышеградского моста. Вот почему только небо порой посылает свой свет на его могильный холм.

Так, у моста и рядом с ним, в беспечных выдумках и играх, протекала жизнь вышеградских детей. С первыми годами зрелости они переходили непосредственно на мост, а точнее в ворота, где юношеская мечта находила иную пищу и открывала новые горизонты и где брали вместе с тем свое начало житейские заботы, невзгоды и борьба.

Ворота и их преддверие издавна служили местом первых мимолетных встреч, любовных томлений, брошенных на ходу словечек, перешептываний. Здесь заключались первые сделки, соглашения, происходили ссоры и примирения, деловые свидания и встречи. Здесь на каменной ограде выставлялись на продажу скороспелая черешня, арбузы и дыни, а по утрам дымящийся салеп и горячая сдоба. Сюда же, вместе с цветущей молодостью, желавшей себя показать и людей посмотреть, и всеми, у кого нашлось, что вынести в ворота из плодов, одежды или оружия, стекалась нищая, убогая и прокаженная голь. Тут часто сидят солидные и уважаемые граждане, обсуждая общественные или коммерческие дела, но еще чаще молодежь, не ведающая иных забот, кроме песен и шуток. Здесь во время великих событий и исторических переворотов к мраморной плите

между тарихом и фонтаном наклеивались воззвания и манифесты и здесь же в воротах, вплоть до 1878 года^[5], вешали и насаживали на кол головы несчастных, в силу тех или иных причин преданных казни; казни же в этом пограничном городе, особенно в периоды смут и волнений, бывали нередким явлением, а в иные времена, как мы увидим ниже, и каждодневным.

Ни сваты, ни погребальная процессия не могут пройти через мост, не остановившись в воротах. Сваты готовятся здесь к торжественному выходу в торговые ряды. И, если времена тихие и мирные, пускают тут же по кругу ракию, затягивают песню и заводят коло, подчас задерживаясь на балконе гораздо дольше, чем ранее предполагалось. И при похоронах несущие обязательно опустят покойника в воротах, дав ему немного отдохнуть там, где и при жизни он проводил изрядную часть своего времени.

Ворота венчают мост, а мост, в свою очередь, венчает город, или, как это написано в путевом дневнике некоего турецкого путешественника, хлебосольно принятого гражданами Вышеграда: «ворота сии поистине сердце моста, а мост поистине сердце города, город же, увиденный раз, поистине останется в сердце у каждого». Великие зодчие древности, которым приходилось бороться с кознями русалок и прочей нечисти и живьем замуровывать новорожденных, заботились не об одной лишь красоте и прочности постройки, но также и о пользе и удобстве ее для самых отдаленных поколений. Знакомство с жизнью здешних мест покажет всякому, как мало в Боснии людей, которым выпало на долю счастье пользоваться такими благами, какие предоставляют ворота и последнему местному жителю.

Зимнее время, естественно, не принимается в расчет, ибо тогда по мосту переходят только в случае нужды, да и то ускоряя шаг и вбирая голову в плечи под порывами холодного ветра, беспрестанно дующего над рекой. Никто, разумеется, не задерживается тогда на открытых балконах моста. Зато во всякое другое время года Вышеградский мост — истинная благодать для всех от мала до велика. Каждый горожанин может тогда в любое время дня и ночи выйти на балкон и по-

сидеть на диване или вообще по делам и без дел поболтаться на мосту. С трех сторон окруженные темно-зелеными горами каменные сиденья дивана парят под облаками или звездами над пенной пучиной изумрудной воды, с пятнадцатиметровой высоты открывая перспективу уходящей вниз речной долины, замкнутой в глубине синими гребнями гор.

Много ли на свете визирей и богачей, которые и в радости и в печали, и в сладостном безделье и в праздности могли бы прийти в такое место? Совсем, совсем немного. А между тем сколько поколений моих земляков за долгие столетия встречало тут часы рассвета, коротало вечера, а то и ночи, когда весь звездный свод неприметно движется над твоей головой! Многие, многие из нас сживали здесь, вознесенные над бездной, и в сиянии вечно подвижных небес, озаряющих горы отблеском скользящего света, распутывали, прислонившись к граниту гладкой ограды, вечно одинаковые и все-таки всегда неповторимые хитросплетения своей судьбы. Давно уж замечено было (правда, иностранцем, и в шутку), будто бы историю города, как и характер его обитателей, определило существование этих самых ворот. В бесконечных бдениях на мосту, — утверждал иностранец, — следует искать причину склонности многих горожан к мечтам и раздумьям, как и главную разгадку меланхолической беспечности, отличающей жителей Вышеграда.

И в самом деле, невозможно отрицать, что легкомыслие, любовь к удовольствиям и мотовству издавна отличали вышеградцев от жителей других городов. Выгодное положение города среди богатых и прибыльных сел обусловило Вышеграду завидный приток денег, никогда, однако, в нем не задерживавшихся. Если же и находился в городе какой-нибудь домовитый и бережливый хозяин, чуждый страстям, то не иначе как пришелец из других краев; впрочем, первое же поколение его потомков испытывало на себе пагубное воздействие вышеградского воздуха и воды и, явившись в мир с разжатыми ладонями, пораженное заразой расточительности и беззаботности, жило по принципу: «Будет день, и пища будет!»

Говорят, Старина Новак ^[6], когда под старость, обесилев, принужден был бросить свой разбойный промы-

сел на горе Романии, так напутствовал своего преемника Дитя Груицу:

— Сперва как следует разгляди из засады путника. Если видишь — выступает горделиво всадник, а на нем красный джемадан с серебряными бляхами и белые носки до колена, значит, он из Фочи. Смело на него налетай — у этих есть и на себе, и в сумках переметных тоже. Увидишь — появился на дороге ободраный наездник, свесил голову к луке седельной, точно милостыню двинулся просить, — и на этого кидайся без оглядки, — этот из Рогатицы. Все они там приbedняются, скряги, а деньгами, точно гранат зернами, начинены. Ну, а как увидишь этакого простачка: ноги на седле перекрестил, тренькает на мандолине и распевает во все горло — не трогай его вовсе, не марай зря руки, пусти его с миром: это вышеградец, а у ихнего брата деньги в руках отродясь не держались.

Все это, казалось бы, подтверждало мнение заезжего путешественника. И все же трудно с уверенностью сказать, в какой степени это мнение соответствует действительности. В этом случае, как и во многих других, причину от следствия отличить непросто. Ворота ли создали своеобразный тип вышеградца, или же, напротив, воплотив в себе дух и характер вышеградцев, они возведены согласно их привычкам и вкусам? Излишний и праздный вопрос. Как в зодчестве нет места произвольным линиям и форме, так и человеческому обществу чужды случайные творения архитектуры, оторванные от запросов, нужд и вкусов, их породивших. Да и сама история возникновения и жизни величественных и практически-полезных сооружений, так же, как и отношения их с окружающим поселением, бывает окутана подчас загадочной и мрачной таинственностью. Как бы там ни было, впрочем, совершенно очевидно одно: жизнь горожан издавна и тесно связана с мостом. Судьбы их так переплетены, что порознь их нельзя себе представить и нельзя о них рассказать.

Вот почему повесть о рождении и судьбе моста есть в то же время повесть о судьбе города и многих поколений его обитателей, и наоборот, все устные предания о жизни города пронизывает линия каменного моста с его одиннадцатью арками и короной ворот посередине.